

УДК 323-053.81

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-4-43-52

АСТРАХАН Владимир Иванович, доктор исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: vianostra@mail.ru, SPIN-код: 1476-4408, Author ID: 263758

ASTRAKHAN V. I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: vianostra@mail.ru

ФЕФЕЛОВ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: fefelov19@yandex.ru, SPIN-код: 2365-2589, Author ID: 1074060

FEFELOV S. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: fefelov19@yandex.ru

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

LIBERAL YOUTH POLICY IN RUSSIA IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение особенностей становления молодёжной политики России в начале XX века. Авторы в данном контексте определяют значение конституционно-демократической партии и её политико-правовых практик. Одним из основных направлений во взаимодействии является процесс реализации теоретических концептов в отношении привлечения учащейся молодёжи к партийной работе. Рассуждения производятся на основании позиций, сформировавшихся в начале XX века, в период активного партийного строительства ведущей либеральной партии России. На основании сравнительно-правового анализа проводится сопоставление либеральной политической практики в отношении учащейся молодёжи и практики правых и левых радикальных партий России. Авторы приходят к выводам, что политическая практика российского либерализма была подчинена теоретическим постулатам, полагавшим, что вовлечение учащейся молодёжи в политическую деятельность наносит больший ущерб социуму, чем польза, которую получают политические организации либерального лагеря.

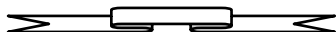
Ключевые слова: молодёжная политика российского либерализма, студенческая молодёжь в либеральных политических практиках, молодёжное движение России в начале XX века.

Abstract. The purpose of the article is to consider the development of youth policy in Russia in the early 20th century. In this context, the authors define the significance of the Constitutional Democratic Party and its political and legal practices. One of the main directions of its activity was the process of implementing theoretical concepts regarding the involvement of young students in party work.

The research is based on the positions formed at the beginning of the 20th century, during the period of active party building of the leading Liberal Party of Russia. On the basis of a comparative analysis, the liberal political practice in relation to students is compared with the practice of the Radical Right and Left Parties in Russia.

As a result, the authors conclude that the political practice of Russian liberalism was subordinated to theoretical postulates suggesting that the involvement of students in political activity causes more damage to society than the benefits that political organizations of the liberal camp receive.

Keywords: youth policy of Russian liberalism, student youth in liberal political practices, youth movement in Russia in the early 20th century.

©Астрахан В.И., 2023г.
©Фефелов С.В., 2023г.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX – начале XX века молодёжь оказывала значительное влияние на политическую сферу общества. На протяжении всего этого периода она импульсивно пыталась найти баланс между либеральными идеалами и реалиями политической целесообразности. Разочаровавшись в традиционных политических структурах, новое поколение искало новые идеологические решения социальных и политических проблем. Либеральные идеалы, такие как свобода личности, равенство, гражданские права и политическая свобода, были привлекательными для молодых людей, которые видели в них возможность для перемен.

Молодые люди поняли, что любые изменения в государстве требуют прагматичного подхода, поэтому посчитали необходимым учитывать политическую реальность.

Либеральную молодёжную политику в России конца XIX – начала XX в. рассматривали и анализировали как современники, так и представители других исторических периодов. Условно можно выделить три периода, которые разнятся фактологическими аспектами, методологическими подходами, кругом привлекаемых источников и уровнем теоретических обобщений. Современники, проживающие в 90-х гг. XIX в. – 1917 году рассматривали молодёжную политику с официальной или революционной точки зрения (Татищев С. С., Гиляров Ф. А., Георгиевский А. И., Еленев Ф., Победоносцев К. П., Розанов В. В., Тихомиров Л. А. и др.). В России того периода действительно существовала ожесточённая политическая борьба между либералами, революционерами и консерваторами. Официальная точка зрения была представлена позицией правительства и его союзников, которые поддерживали контроль и различные ограничения в отношении молодёжи. С другой стороны, была политическая оппозиция,

которую составляли представители радикальных группировок и интеллигенции, стремившиеся к изменению политической системы и социального строя. Они видели в молодом поколении именно ту силу, которая бы смогла привести к переменам и реформам.

Советская историография данного вопроса включает период с 1918-го по конец 80-х годов XX века (Валк Н. С., Казакевич Р. А., Козьмин Б. П., Мандель С. З., Орлов В. И., Свинцова М. П., Ткаченко П. С., Троицкий Н. А., Эймонтова Р. Г., Щетинина Г. И. и др.). Исследования этого периода часто осуществлялись в рамках марксистско-ленинской идеологии и в соответствии с теорией классовой борьбы и этапов освободительного движения. В работах советских историков значительное внимание уделялось студенческому и революционному движению с рассмотрением их в контексте развития буржуазно-демократической и социалистической революций. Исследователи старались понять, какова роль молодёжи в этих движениях и ее вклад в социальные изменения. Историография этого периода была ориентирована на создание образа героической и революционной молодёжи, подчеркивая ее роль в борьбе против царизма и общественной несправедливости. Она также акцентировала внимание на значимости молодёжных организаций и движений, таких как комсомол, и их роли в формировании идеологической позиции молодёжи. Однако следует отметить, что советская историография была подвержена цензуре и ограничениям, связанным с официальной идеологией. Исследования, которые не соответствовали политической линии партии или раскритиковывали политику режима, могли быть подавлены или искажены.

В 70–80-е годы XX века в советской историографии исследователи стали рассматривать политическое сознание студенческой молодёжи как важный аспект системы общественного сознания. Они признали, что оно

формируется путём взаимодействия с другими формами общественного сознания, такими как религиозное, этническое, идеологическое [3, С. 59] и т. д. Исследователи интересовались процессами, влияющими на формирование политического сознания молодежи, и пытались понять, какие факторы и влияния оказывают наибольшее влияние на политическую ориентацию студентов. Они подчеркнули роль школьной программы, политической пропаганды, семейного образования, средств массовой информации и других социальных факторов в формировании политического сознания. Исследователи также обсудили проблему социально-экономических условий, которые могут повлиять на политическое сознание студентов. Они проанализировали взаимосвязь между их образованием, профессиональным престижем, социально-экономическим статусом и политическими взглядами. Исследователи этого периода предприняли попытку рассмотреть его в рамках системы общественного сознания, выявляя влияние различных факторов. Они внесли важный вклад в понимание роли молодёжи в политической жизни и предложили новые подходы к изучению молодёжной политики.

Начиная с 90-х годов XX века произошли значительные изменения в исследовании этой тематики. В указанный период истории пришли к пониманию необходимости использования полипарадигмального подхода и привлечения данных из политологии, социальной и политической психологии в своих исследованиях. Этот подход предполагает использование разных методологических и концептуальных рамок при анализе исторических явлений. Для отмеченной тематики истории учитывают политологические аспекты, такие как политические институты, партийные структуры и пропагандистские методы, а также социально-психологические факторы, влияющие на формирование политических убеждений и установок молодёжи. Эти дан-

ные предполагают новую плоскость исследований в данной области, что подчёркивает многомерность этого процесса и необходимость использования различных методологических подходов и научных дисциплин для всестороннего и глубокого анализа политического сознания молодежи.

На современном этапе изучения партийно-политической истории России периода революционных потрясений начала XX века одной из неизученных проблем, как нам представляется, выступает определение типологии молодёжных политико-партийных организаций российского либерализма. Обращение к опыту работы региональных организаций, коллегиальных органов партийного управления, позициям как ведущих теоретиков партии, так и представителей региональных организаций позволяет реконструировать трансформацию партийной позиции кадетов в вопросе о целесообразности и допустимости привлечения молодёжи (речь идёт преимущественно о студенческой молодёжи столичных вузов) к партийно-политической, организационной и агитационной работе.

Сравнительный анализ позиций представителей партии, начиная от руководства партии и столичного комитета конституционно-демократической партии и вплоть до представителей провинциальных губернских комитетов, позволяет сделать вывод о наличии общей позиции по вопросу о месте и роли молодёжи в политической практике ведущей либеральной партии. Последняя заключалась в том, что общий подход к учащейся молодёжи как к будущему российского социума отрицал преимущества её участия в политической борьбе хотя бы и на стороне либеральных партийных организаций в сравнении с тем уроном, который это участие наносило.

Вынесенные в заголовок настоящей статьи слова отражают не только задачи членов Российского коммунистического союза молодёжи, на VIII съезде которого они и были ска-

заны И. В. Сталиным, но, как ни парадоксальным это может показаться, и позицию теоретиков российского либерализма в таком вопросе, как определение принципов партийной молодёжной политики.

Практически все цитаты, которых, строго говоря, не так уж и много и которыми мы иллюстрируем позицию отечественных либералов (а, как правило, речь идёт о партии кадетов), так или иначе, содержат этот мотив.

Строго говоря, отрицательное, причём безоговорочно отрицательное, отношение к участию студенчества в политической жизни высказывалось задолго до этапа партийного конституирования отечественного либерализма. Полагаем, что с полным правом мы можем связать эту тенденцию с теоретическими разработками Б. Н. Чичерина и в первую очередь с идеей об охранительной сущности либерализма, в котором он видел залог успешности формирующегося политического течения. В этом контексте, говоря о социальной среде, из которой радикалы рекрутируют своих адептов, он упоминает недоучившуюся молодёжь. «...Та партия, которая производит всю эту смуту, весьма немногочисленна, – пишет Б. Н. Чичерин, – она вербует из недоучившейся молодежи, сбитой с толку и развращенной нелепыми учениями...» [10]. Здесь для нас ключевым звеном выступает именно недоучившаяся молодёжь, что и ввергает её на путь служения злу, борьбы против институтов российской государственности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В начале XX века в истории российского либерализма наступает новый этап развития, связанный с его переходом к парламентскому этапу развития. За сравнительно короткий, по историческим меркам, период отечественный либерализм прошёл путь от отдельных про-

возвестников либеральных идей, малочисленных кружков, объединявших представителей крайне узкой прослойки профессий, связанных с интеллектуальной деятельностью (умственным трудом. – *Прим. авт.*) к политической силе, готовой к масштабной политической борьбе за власть в рамках перехода страны к представительным формам правления. За это время его носителями была разработана самобытная теоретическая модель комплексного преобразования социально-политической системы страны. Последняя была основана как на общелиберальных принципах, составляющих своего рода либеральный символ веры, так и с учётом специфики российской государственности, правовой культуры, исторических традиций взаимоотношений в системе «человек – общество». Отметим, что ещё одной знаковой чертой российского либерализма выступала имманентная приверженность ненасильственным методам социального конструирования как на теоретическом, так и на практическом уровне [1].

Российский либерализм смог перевести общетеоретические философские и политико-правовые либеральные постулаты не только на язык партийной программтики, которая обеспечила формирование партийных организаций российского либерализма, но и на язык законопроектов, предназначенных не для агитации, а для представления в парламент для обретения ими статуса законов. В совокупности эти законопроекты стали в своём роде юридизированным выражением либеральной модели преобразования страны.

Ещё одной специфической чертой отечественного либерализма, как мы полагаем, выступает такое наследие русской интеллигенции, как сильное влияние саморефлексии применительно к базовым принципам, исповедуемым соответствующей социальной группой, с учётом того что на протяжении всей своей истории российский либерализм

был неразрывно связан с отечественной высшей школой, что непосредственно повлияло на его политическую практику периода политического конституирования.

Во многом это касалось и поиска российскими либералами ответа на вопрос о возможности привлечения учащейся молодёжи к партийной работе, а строго говоря, о вовлечении её в политическую борьбу вообще. По этому поводу в либеральной идеологии, прежде всего, представленной в рамках конституционно-демократической партии, существовало два различных подхода.

Молодёжь как социальный слой, с которым отечественные либералы связывали будущее страны, не виделась ими как активный участник политической жизни, отвлекающей её от главного дела, т. е. собственно учёбы. Одним из первых, так сказать, манифестов российского либерализма подобного рода была статья одного из отцов-основателей российского либерализма Б. Н. Чичерина «Записка по студенческому вопросу» [11]. В ней он был более чем категоричен, указывая на то, что «настоящая задача студентов состоит в том, чтобы учиться. Всё, что отвлекает их от этой цели, есть зло; всё, что производит агитацию и ставит учащихся в ненормальное положение, есть ещё большее зло» [11, С. 79]. «...Молодые силы, привлекающиеся к университетам, надобно направлять не к бесплодной агитации, не к легкомысленной игре в студенческий парламентаризм, а к серьёзной умственной работе, в которой всего более нуждается Россия и которая ныне почти совершенно исчезла. Отсюда то страшное умственное оскудение, которое замечается всюду и которое составляет главную язву нашего Отечества...» [11, С. 81]. Здесь Б. Н. Чичерин выходит на уровень философских обобщений, отвечая на пресловутые вечные русские вопросы: «Что делать?», «Кто виноват?» и «С чего начать?». При этом его ответ звучит практически так же,

как и слова, вынесенные в заголовок настоящей статьи.

У К. Д. Кавелина мы находим ряд текстов, связанных с образованием, однако упор в них делается на проблемы школы, в которой, по его мнению, происходит глубокий кризис, связанный с подменой понятий. «Смешивая умственное, художественное и практическое развитие с нравственным, выработку объективной стороны с выработкой душевных движений, – отмечает основатель российского либерализма, – мы не умеем поставить нравственное воспитание как следует, смешиваем внешнюю выправку и дрессуру, наружную благопристойность и приличие за мерило нравственных качеств, терпим возле детей индифферентов, черствых, бездушных, нравственно неразвитых и даже порочных людей, если только они соединяют в себе требуемые условия знания и школьной педагогики, и воображаем, что успехи в науках и хорошее внешнее поведение обеспечивают нравственность будущих граждан» [6, С. 82].

Любопытно и то, что данная цитата более чем близка, порою едва ли не дословно, мыслям С. А. Муромцева. «...В школе воцарился произвол начальства и крайний формализм преподавателей. Ученики выходили из гимназии без надлежащего воспитания, как физического, так и нравственного, – пишет будущий Председатель Первой Государственной Думы, – ученики выходили из школы без надлежащего образования» [8, С. 31]. В общественно-политическом контексте это привело к тому, что «выйдя из гимназии, они относятся без критики к подпольным учениям, как без критики же относились ко всему, преподаваемому в гимназии» [8, С. 32]. И ещё один, более чем совпадающий с мыслями К. Д. Кавелина фрагмент «Записки ...»: «И устройство школы, и само преподавание были поставлены на бюрократическую ногу. В отношениях начальства к наставникам воцарился абсолютный произвол, который должен был

отразиться и на отношениях наставника к ученику. Учитель обратился в ходячую машину, действия которой предопределялись циркулярами, подробнейшими программами и расписаниями. Было забыто, что известного рода самостоятельность и самодеятельность есть необходимый атрибут успешного преподавания. Только при наличии этих качеств преподаватель, представляя из себя живую силу, в состоянии пробудить в ученике ум и сердце. Сам состав преподавателей ухудшился» [8, С. 34].

Несколько пасторальным выглядит завершение раздела, посвящённого вопросам образования. «С другой стороны, – пишет С. А. Муромцев, – с не меньшей ясностью обнаруживалась в то же время способность наших университетов к самоуправлению» [8, С. 36]. Представляется, что это во многом связано со стратегической целью данного манифеста либеральной оппозиции – побуждением власти к диалогу с обществом. Что касается позиции авторов по участию в политической борьбе, то если мы обратимся к их базовому тезису о добродетельной силе университетской корпорации в случае невмешательства власти в её внутренние университетские дела, то мы вполне можем экстраполировать данный подход и на допуск политических партий в стены университетов.

Следует отметить, что своё категорическое неприятие привнесения в университет политики в каком бы то ни было виде С. А. Муромцев не раз подтверждал на практике (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Т. 3. Д. 6436). В качестве примеров позволим себе привести эпизоды, связанные с предстоящим «выборгским процессом» и попыткой министерства народного просвещения добиться от опальных профессоров Московского университета письменных гарантий их отказа от вступления в какую бы то ни было противоправительственную политическую организацию.

В своём ответе на требование министер-

ства С. А. Муромцев указывает на то, что требование к университетскому профессору о недопустимости превращения лекторской кафедры в политическую трибуну он всегда считал императивным. Преподавателю вуза необходимо было заботиться о сохранении чистоты университетской кафедры. Он должен был стремиться освободить научную и педагогическую работу от каких-либо политических пристрастий. По этому поводу С. А. Муромцев писал: «В своей академической деятельности полагал и полагаю обязанностью профессора передавать предмет с полной научной объективностью, не оскорбляя достоинства кафедры внесением каких-либо тенденций, в чем и заключается подобающее профессору исполнение принятой присяги и соблюдение верности служебному долгу» (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Т. 3. Д. 6436. Л. 8).

С преддверием «выборгского процесса» связан эпизод, когда студенческая аудитория перед началом лекции, которую читал С. А. Муромцев, обратилась к нему «по случаю прощания с лучшим профессором-юристом» (Вестник народной свободы. – 1907. – № 48. – Стб. 2086) со словами благодарности. В ответ «он коротко поблагодарил аудиторию вне всякой связи с предстоящим процессом и прочитал положенную лекцию. Здесь С. А. Муромцев вновь оставался верен себе» [1, С. 227].

В контексте уже упомянутой инициативы министерства народного просвещения о получении от профессоров, осуждённых по т. н. «выборгскому делу», обязательства о перманентном и априорном отказе от участия в антиправительственных политических организациях информативным для нашей темы выступает ответ П. И. Новгородцева. Отвечая на указанное требование, он отрицает его, также ссылаясь на стойкую приверженность к императивному принципу о категорической недопустимости совмещения в университет-

ской жизни деятельности политической с деятельностью научной и преподавательской. По этому поводу русский юрист и философ писал: «...в преподавании своем всегда охранял достоинство университетской кафедры от примеси каких бы то ни было партийных пристрастий, считая их несовместимыми с существованием науки...» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 346. Л. 16).

Совокупность свидетельств различного рода, подтверждающих отрицательное отношение российских либералов, прежде всего имеющих непосредственное отношение к высшей школе, к привнесению в неё политической составляющей, можно продолжать и далее. Однако обратимся к иным, не менее интересным сюжетам, характеризующим новый этап формирования партийной политики кадетов в отношении молодёжи.

Не менее популярен в этом ряду, как представляется, почти тургеневский мотив «отцов и детей». Весьма знаковыми, претендующими чуть ли не на научную дефиницию стали слова члена ЦК кадетов А. А. Корнилова, который (есть даже ощущение нарочитой резкости формулировок) жёстко указал молодёжи на её место. Или точнее, на место, где ей не место. «Мы – партия, состоящая из взрослых, – говорил он, – политика – дело взрослых людей, а не подростков» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 346. Л. 10).

Более мягок в отношении молодёжи был костромской коллега А. А. Корнилова по ЦК партии З. Г. Френкель. Он считал, что «переложение на плечи молодёжи серьезных задач» – это серьёзная ошибка. Единственное, что он допускал как вариант, – участие студентов-кадетов в жизни партии «для распространения книжек и вообще смотреть на их участие в партийной работе, как на некую прибавку к партийным организациям» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 346. Л. 11). Причём всё это, ну конечно же, в период каникул.

Известный идеолог партии профессор

И. В. Гессен также полагал участие студентов в политической деятельности недопустимым. «...Дети могли бы предоставить её отцам, и наверстывать упущенное на забастовках, – пишет он, возвращая учащуюся молодёжь в аудитории, – вместо того, чтобы состоять на политических побегушках...» [4, С. 213].

Сходные мотивы прозвучали и у А. М. Колюбакина, который встречался в январе 1911 года с группой студентов по поводу событий всеобщей студенческой забастовки, в отношении которой руководство партии заняло нейтральную позицию [5, С. 183]. В частном порядке он фактически не только осудил её, но и указал на то, что такие формы студенческих выступлений, как сходки и забастовки, в высшей школе могут «нанести огромный вред высшему образованию и студенчеству» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336. Л. 105–105 об.).

Неким итогом стали слова П. Н. Милюкова о том, что в отношении студенческой фракции кадетов целесообразно «или совершенное закрытие студенческой фракции [конституционно]-демократической как таковой, или предоставление ей права действовать на свой собственный страх и риск без всякого руководства и ответственности со стороны партии».

Окончательно «похоронил» идею об интеграции конституционно-демократической партии С. Ф. Ольденбург. Его слова выглядят, наверное, еще более резкими, чем А. А. Корнилова, однако в этом случае следует иметь в виду, что они взяты нами из частного письма Д. И. Шаховскому, а не сказаны на публичном, хотя и частном совещании членов Санкт-Петербургского горкома кадетов, как в случае с А. А. Корниловым. Написаны эти строки были в связи с подготовкой летом 1912 года рукописи политического словаря, а если конкретно, то в связи с удалением из рукописи политического словаря статьи о студенческих фракциях кадетов.

«...Студенческая фракция конституционно-демократической партии, зачем? – пишет С. Ф. Ольденбург Д. И. Шаховскому, – ведь это, слава Богу, вымирает, и мы, которые говорим «нельзя» политике в школе, – как можем это поддерживать?» (ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 444. Л. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование либеральной молодёжной политики в России конца XIX – начала XX века является важной темой и представляет интерес для историков и политологов. Это период, когда молодые люди активно включаются в политическую жизнь страны, стремясь к переменам и преобразованиям.

На этом этапе исторической эволюции России важную роль в формировании политической идеологии молодёжи и «всеобщем брожении умов» сыграли университеты и различные студенческие организации, общественно-политические движения. Либеральные молодёжные группы и движения в России этого периода защищали принципы конституционного правопорядка, гражданских свобод и прав, ограничения власти, введения демократических институтов и др. Молодёжные либералы ставили перед собой цель дальнейшей модернизации России в соответствии с западными моделями. Одной из самых известных либеральных молодёжных организаций того времени был Союз освобождения (Союз взаимопомощи студентов России), развернувший активную политическую деятельность в поддержку свободы слова, против цензуры и политического деспотизма.

Либеральная молодёжная политика в России конца XIX – начала XX века была встроена в более широкий контекст политической и социальной борьбы того времени, включая столкновения с другими идеологическими движениями, да ещё и с репрессивным аппаратом государства.

Изучение истории либеральной молодёжной политики в России в этот период позволяет лучше понять и проанализировать динамику политического развития страны, роль молодых активистов в этом процессе, их идеологические установки и цели. Кроме того, это также помогает сформировать понимание различных факторов, влияющих на формирование политического сознания молодежи в России, а также их влияние на общественно-политическую сферу в начале XX века.

Учиться, учиться и учиться на благо России, на собственное благо и благо своих потомков – вот своеобразная квинтэссенция. Итогом стало подтверждение очередного пророчества Бориса Николаевича Чичерина. В начале настоящей статьи мы уже приводили эту цитату о том, что «та партия, которая производит всю эту смуту, весьма немногочисленна. Она вербует из недоучившейся молодёжи, сбитой с толку и развращенной нелепыми учениями» [10]. Однако дальше он продолжает: «Что же дает ей силу? Единственно то, что она дисциплинирована» [10]. Эти слова оказались пророческими: отказ либералов от работы и со студентами, и в университетах, учебных заведениях в принципе или как максимум решение не препятствовать самостоятельности либеральной молодёжи не только не вернули студентов в аудитории, но и оставили учебные заведения на откуп радикальным партиям, среди которых первенствующую роль играли левые.

Библиография / References:

1. Аронов Д.В. От Лазавки до Таврического дворца: Сергей Андреевич Муромцев – политик, учёный, педагог. – Орёл: Издательство А. Воробьева, 2010. – 300 с.
2. Астрахан В.И., Майоров А.А. Молодёжь и политика: между либеральным идеалом и политической целесообразностью // Вестник государственного и муниципального управле-

ния. – 2023. – Т. 12. – № 3. – С. 11–19. EDN: IEYVVY.

3. Астрахан В.И., Щекотихин Е.Е. Модели студенческого самоуправления в молодёжной политике советской власти 1917–1923 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 58–68. EDN: KIXNJS.

4. Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчёт. Архив русской революции: в 22-х томах (1922–1937 гг.). Т. 22. – Берлин, 1937. – 424 с.

5. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – 248 с.

6. Кавелин К.Д. Задачи этики. Учение о нравственности при современных условиях знания. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. – 147 с.

7. Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Арон Д.В. Теория патриотизма в дореволюционной России – от первых шагов к практике реализации // Былые годы. – 2020. – № 55 (1). – С. 226–241. EDN: QMBCZE.

8. Муромцев С.А. В первые дни министерства гр. М.Т. Лорис-Меликова: Записка о полит. состоянии России весной 1880 года / [Сост. С. Муромцевым при участии А.И. Чупрова, В.Ю. Скалона и др.]. – Berlin: B. Behr's Buchh, 1881. – 45 с.

9. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. / Т. 2. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 520 с.

10. Чичерин, Б.Н. Речь Б.Н. Чичерина, московского городского головы, 16-го мая 1883 г.: Эпизод из истории коронации в Москве / с предисл. Р.Р. – Berlin: B. Behr, 1883. – 23 с.

11. Чичерин Б.Н. Записка по студенческому вопросу // Былое. – 1907. – № 8. – С. 79–83.

1. Aronov D.V. (2010) Ot Lazavki do Tavrisheskogo dvortsa: Sergey Andreyevich Muromtsev – politik, uchonyy, pedagog [From Lazavka to the Tauride Palace: Sergei Andreevich Muromtsev – politician, scientist, teacher]. – Orel: Izdatel'stvo A. Vorob'yev. – 300s. (In Russ.).

2. Astrakhan V.I., Mayorov A.A. (2023) Molodozh' i politika: mezhdue liberal'nym idealom i politicheskoy tselesoobraznost'yu [Youth and politics: between the liberal ideal and political expediency] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.12. – № 3. – S.11–19. EDN: IEYVVY (In Russ.).

3. Astrakhan V.I., Shchekotikhin E.E. (2023) Modeli studencheskogo samoupravleniya v molodozhnoy politike sovetской vlasti 1917-1923 gg. [Models of student self-government in the youth policy of the Soviet government in 1917-1923] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.12. – №2. – S.58–68. EDN: KIXNJS (In Russ.).

4. Gessen I.V. (1937) V dvukh vekakh: Zhiznenny otchot. Arkhiv russkoy revolyutsii: v 22-kh tomakh [In two centuries: Life report. Archive of the Russian Revolution: in 22 volumes] (1922–1937g.g.). T.22. – Berlin. – 424s. (In Russ.).

5. Dyakin V.S. (1978) Samoderzhaviye, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy, bourgeoisie and nobility in 1907–1911]. – L.: Nauka. – 248s. (In Russ.).

6. Kavelin K.D. (1887) Zadachi etiki. Ucheniye o npravstvennosti pri sovremennykh usloviyakh znaniya [Objectives of ethics. The doctrine of morality under modern conditions of knowledge]. – SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. – 147s. (In Russ.).

7. Merkulov P.A., Yeliseyev A.L., Aronov D.V. (2020) Teoriya patriotizma v dorevolutsionnoy Rossii – ot pervykh shagov k praktike realizatsii [The theory of patriotism in pre-revolutionary Russia – from the first steps to the practice of implementation] // Bylyye gody. –

№55(1). – S.226–241. EDN: QMBCZE (In Russ.).

8. Muromtsev S.A. (1881) V pervyye dni ministerstva gr. M.T. Loris-Melikova: Zapiska o polit. sostoyanii Rossii vesnoy 1880 goda [In the first days of the ministry, gr. M.T. Loris-Melikova: Note on politics. the state of Russia in the spring of 1880] / [Sost. S. Muromtsevym pri uchastii A.I. Chuprova, V.YU. Skalona i dr.]. – Berlin: B. Behr's Buchh. – 45s. (In Russ.).

9. Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticeskoy partii. V 6-ti t. / T. 2. Protokoly Tsentral'nogo Komiteta konstitutsionno-demokraticeskoy partii [Protocols of the Central Committee and foreign groups of the constitutional democratic party. In 6 volumes / Volume 2. Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party]. 1912–1914gg. – M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997. – 520s. (In Russ.).

10. Chicherin, B.N. Rech' B.N. (1883) Chicherina, moskovskogo gorodskogo golovy, 16-go maya 1883 g.: Epizod iz istorii koronatsii v Moskve [Chicherin, Moscow mayor, May 16, 1883: An episode from the history of the coronation in Moscow] / s predisl. R.R. – Berlin: B. Behr. – 23s. (In Russ.).

11. Chicherin B.N. (1907) Zapiska po studentcheskomu voprosu [Note on a student issue] // Byloye. – № 8. – S.79–83. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.07.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 06.09.2023.

Дата выхода в свет 29.12.2023.